

ОДИН

Э ТОТ МЕРЗАВЕЦ СНОВА РЕШИЛ МЕНЯ НЕ ЖДАТЬ. Между деревьями я могла видеть, как Кой и остальные бегут по пляжу, разбрасывая пятками песок. Ялик скользнул в воду, и я побежала быстрее, босыми ногами прокладывая себе путь через искривленные корни деревьев и вросшие в землю камни. Я выскочила из зарослей как раз вовремя, чтобы увидеть играющую на губах Коя ухмылку и натянувшийся парус.

— Кой! — выкрикнула я, но если он и расслышал мой голос сквозь шум волн, то не подал виду.

Я рванула вниз по склону, пока не добежала до пенны, оставленной отступающей волной. Поставив одну ногу на мокрый песок, я оттолкнулась изо всех сил и прыгнула, полетев над волнами к корме. Ухватившись за край лодки одной рукой, я ударилась о борт. Мои ноги все еще были в воде, пока ялик набирал ход. Никто не предложил мне помошь, когда я подтянулась и перевалилась через борт, бормоча себе под нос проклятия.

— Неплохой прыжок, Фейбл, — Кой взялся за румпель¹, устремив взгляд к горизонту и направляя ялик к южному рифу. — Не думал, что ты поплы-
вешь с нами.

Я собрала волосы в пучок на макушке, сверля Коя уничтожающим взглядом. Это был уже третий раз за неделю, когда он пытался оставить меня на берегу и не брать вместе с другими ныряльщиками на рифы. Если бы Спек не был пьян почти все время, я бы лучше платила ему за эти вылазки, а не Кою. Однако мне нужна была лодка, на которую можно рассчитывать.

Парус затрепетал у меня над головой, когда поднялся ветер, дернувший ялик вперед. Я отыскала место и села между двумя ныряльщиками, затянутыми в кожаную одежду.

Кой протянул ладонь в мою сторону.

¹ Румпель — часть рулевого механизма лодки в виде рычага.

— Гони медяк.

Я бросила взгляд поверх его головы на барьерные острова, где на сильном ветру кренились и покачивались мачты торговых судов. «Мэриголд» не было видно, однако она должна будет обязательно появиться в порту к восходу солнца. Вытащив монету из кошелька и стиснув зубы, я бросила ее в ладонь Коя. К настоящему моменту он заработал на мне уже столько медяков, что на эти деньги можно было бы купить практически половину его ялика.

Мы набрали скорость. По мере того как лодка отдалась от берега, проносящаяся мимо вода постепенно превращалась из бледно-бирюзовой в темно-синюю. Я отклонилась назад, когда ялик накренился, и позволила своим пальцам скользнуть по поверхности морской глади.

Солнце стояло в зените, и у нас оставалось еще несколько часов до начала прилива. Этого времени было более чем достаточно, чтобы я успела наполнить свой кошелек пиролитом для продажи.

Я затянула ремень на поясе, проверяя каждый из своих инструментов: молоток, зубило, кирка, лопатка, окуляр.

Большинство ныряльщиков ушли с восточного рифа несколько месяцев назад, но моя интуиция подсказывала мне, что в этих водах спрятано еще немало пиролита. И я оказалась права. После нескольких недель ныряния в одиночку я обнаружила месторождение под изрытым вдоль и поперек

шельфом. Благодаря найденному пиролиту мой кошельк существенно потяжелел.

Когда я поднялась на ноги, вокруг меня забушевал ветер и стал трепать пряди моих темно-каштановых волос, обрамляющих лицо. Я схватилась за мачту и перегнулась через борт, разглядывая воду, которая была под нами.

Рано.

— И когда ты собираешься рассказать нам, что же ты там нашла, Фейбл? — рука Коя ската румпель, а его глаза встретились с моими. Они были такими же темными, как самые черные ночи на острове, когда из-за шторма невозможно было разглядеть ни луну, ни звезды на небе.

Остальные с мрачным любопытством молчаливо уставились на меня, ожидая моего ответа. От моего внимания не укрылось то, как все они стали более внимательно наблюдать за мной в порту. Я также слышала их перешептывания на пляже. После нескольких недель возвращения с пустыми руками ныряльщики становились беспокойными и подозрительными, и это никогда не сулило ничего хорошего. Вот только я не думала, что именно Кой будет тем, кто в конце концов спросит меня о моем «улове» напрямую.

Я покачала плечами.

— Морские ушки¹.

¹ Морские ушки — один из видов моллюсков.

Он засмеялся, качая головой.

— Морские ушки, — эхом отозвался Кой. Он был моложе большинства ныряльщиков на Джевале, его опаленная кожа пока еще не покрылась морщинами и пигментными пятнами от постоянного пребывания на солнце. Тем не менее он уже успел заслужить свое законное место среди ныряльщиков тем, что наворовал достаточно денег, чтобы купить ялик и начать собственный бизнес по перевозкам.

— Именно, — кивнула я.

Из взгляда Коя исчез всякий намек на юмор, когда он снова посмотрел мне прямо в глаза. Я сжала челюсть, стараясь скрыть подрагивающий уголок губ. Минуло четыре года с того дня, как меня бросили на раскаленный пляж и оставили на произвол судьбы. Мне приходилось чистить корпуса судов в обмен на тухлую рыбу, чтобы не умереть от голода. Меня не раз избивали за то, что я промышляла на территории, которую облюбовали другие ныряльщики. На Джевале мне не единожды доводилось сталкиваться с разного рода жестокостью, но до сегодняшнего дня я старалась не обращать на себя внимание Коя. С ним шутки были так же плохи, как и с огнем.

Я встала на корму, позволяя губам растянуться в той же порочной улыбке, которой мне улыбнулся Кой на пляже. Он был тем еще прохвостом и негодяем, но я ему ничем не уступала. Мне нельзя было показывать ему свой страх, иначе я стану для него легкой добычей. Мне необходимо найти способ вы-

жить на Джевале, и я лучше бы отдала руку на отсечение, чем позволила кому-то лишить меня шанса сбежать с острова. Не сейчас, когда я была так близка к свободе.

Я отпустила мачту, и лодка вылетела у меня из-под ног, после чего я тут же ушла под воду. Вокруг меня закружили блестящие пузырьки, когда я поплыла к поверхности, быстро работая ногами, чтобы согреться. Окраина восточного рифа соприкасалась с течением, отчего вода на этой стороне острова была холоднее. Это был один из тех факторов, по которому я определила, что там, внизу, находилось гораздо больше пиролита, чем было вырыто.

Натянутый парус изогнулся на фоне безоблачного неба, и ялик Коя умчал прочь. Когда он исчез за барьерными островами, я тут же резко развернулась и направилась в противоположном направлении к берегу.

Я плыла, погрузив лицо в воду, чтобы можно было рассматривать расстилающийся подо мной риф. В розовых, оранжевых и зеленых кораллах отражался солнечный свет, как на страницах атласа, который некогда лежал раскрытым на столе моего отца. Моим опознавательным знаком был ярко-желтый морской веер¹ со сломанной веткой.

Я вынырнула на поверхность, еще раз проверила свой пояс с инструментами, попутно делая мед-

¹ Морской веер — один из видов кораллов.

ленный вдох и наполняя грудь воздухом, после чего сделала такой же медленный выдох, как меня этому учила мама. Мои легкие растянулись, затем постепенно начали сжиматься, и когда они опустили настолько, что я почувствовала знакомое давление под ребрами, я стала дышать чаще, вдыхая и выдыхая воздух рывками. Сделав последний полный вдох, я нырнула.

Уши заложило, пока я гребла к ярким оттенкам, сияющим на морском дне. Водная толща давила меня со всех сторон, и когда я чувствовала, что меня начинает выталкивать к поверхности, то просто позволяла своему телу расслабиться и погрузиться глубже. Стайка краснополосых рыбок пронеслась мимо, образовав вокруг меня пестрый рой. Во всех направлениях простиралась бескрайняя синева, когда мои ступни легко коснулись гребня зеленого коралла, тянущегося вверх, подобно скрюченным старушечьим пальцам. Ухватилась за нависающий над кораллом каменный выступ, который рассекала трещина.

Я впервые обнаружила пиролит, когда прочесывала риф в поисках крабов, чтобы заплатить старику в порту за ремонт своего окуляра. Мягкая вибрация, исходящая от самоцвета, пробрала меня до костей, и после трех дней непрерывных поисков мне повезло. Я оттолкнулась от выступа и всплыла на поверхность, когда часть шельфа внезапно обвалилась, обнажая неровную полосу базальта, испещренную

предательскими белыми пузырями, которые были мне хорошо знакомы. Они могли означать только одно: пиролит.

За последние три месяца с помощью этой заначки я заработала торговлей на «Мэриголд» больше монет, чем за последние два года на острове, вместе взятые. Еще несколько недель — и мне больше никогда не придется нырять на рифах.

Мои ноги опустились на выступ, и я прижала руку к скале, ощупывая каждый ее изгиб. Мягкая вибрация самоцвета затрепетала под моими пальцами, похожая на эхо удара металла о металл. Слушать самоцветы меня тоже научила мама. Глубоко в недрах «Жаворонка» она передавала их мне в руки по одному за раз и, пока команда спала в гамаках, подвешенных к переборке, шептала: «Ты слышишь его? Ты его чувствуешь?»

Я вытащила инструменты из-за пояса и вставила зубило в самую глубокую канавку, после чего ударила по нему молотком, постепенно разбивая поверхность камня. Судя по форме выступа, под ним находился приличный кусок пиролита. Может быть, он потянет на четыре медяка.

Надо мной засверкали блики солнечного света, отразившегося на серебряной чешуе рыб, которые приплыли покормиться. Я посмотрела вверх, щурясь от слепящего глаза мерцания. В темной дали по рифу дрейфовало тело утопленника. То были останки ныряльщика, который перешел кому-то дорогу

или не вернул долг. Его ноги были прикованы цепью к огромному, покрытому ракушками камню. Бедолагу бросили на корм морским тварям, которые должны были содрать плоть с его костей. Это был не первый раз, когда я видела приведение смертного приговора в исполнение. И если я не буду осторожна, меня ждет такая же печальная участь.

Последний глоток воздуха обжег мне грудь, а руки и ноги похолодели, но я еще раз ударила по зутилу. Грубая белая корка треснула, и я улыбнулась, позволив нескольким пузырькам воздуха сорваться с моих губ, когда острый кусок скалы отвалился. Я протянула руку и прикоснулась к стеклянному красному самоцвету, который смотрел на меня, как налитый кровью глаз.

Когда темнота начала давить на края моего поля зрения, я оттолкнулась от скалы и устремилась к поверхности. Мои легкие отчаянно нуждались в воздухе. Рыбки разлетались от меня во все стороны, как радуга, распадающаяся на части, и вот я вынырнула из воды, жадно хватая ртом воздух. Облака над головой собирались в тонкие нити, но мое внимание привлекла темнеющая синева на горизонте. Утром я заметила в ветре тревожные нотки приближающегося шторма. Если непогода помешает «Мэри-голд» добраться до барьерных островов к восходу солнца, мне придется держать пиролит при себе гораздо дольше, чем того требовала безопасность. У меня было не так уж много тайников, да и с каж-

дым днем за мной наблюдало все больше и больше любопытных глаз.

Я перевернулась на спину, чтобы солнце согрело как можно больше участков моей кожи. Оно уже начало клониться к кривой скале, возвышающейся над Джевалом. Потребуется еще по меньшей мере шесть или семь погружений, чтобы добыть пиролит. Мне также необходимо было успеть доплыть до другого конца рифа к тому времени, как Кой вернется за мной.

Если он вообще вернется.

Еще три или четыре недели, и я накоплю достаточно медяков, чтобы обменять их на проезд через Узкий пролив, найти Сейнта и заставить его сдержать свое слово. Мне было всего четырнадцать, когда он бросил меня на печально известном острове воров, и с тех пор я каждый день пыталась заработать деньги, необходимые мне, чтобы отыскать его. По прошествии четырех лет я стала задаваться вопросом, узнает ли он меня вообще, когда я наконец появлюсь у него на пороге. Помнил ли он, что говорил мне, когда резал мою руку кончиком своего ножа из китового уса?

Однако мой отец был не из тех, кто страдает забывчивостью.

Впрочем, как и я.

ДВА

УЩЕСТВОВАЛО ПЯТЬ ПРАВИЛ. ВСЕГО ПЯТЬ. Я наизусть рассказывала их своему отцу с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы взбираться на мачты вместе с матерью. В тусклом свете свечей в своей каюте на «Жаворонке» он наблюдал за мной, взяв в одну руку перо, а в другую рюмку с молодым ржаным виски, бутылка которого неизменно стояла на его столе.

1. *Нож должен быть там, откуда его легко достать.*
2. *Никогда не оказывайся ни у кого в долгу.*